

НА ЭСТРАДЕ

Исповедь осеннего помидора

Моск. правд 99-1992. - 4 марта. - с. 7

Он, кажется, сплошь состоит из одних противоречий. Во-первых, он, в натуре, хулиган (если общественным порядком называть безвкусицу и пошлость, царящие на эстраде и в повседневной жизни). Но все его хулиганство сродни альтруизму Робин Гуда. Во-вторых, он диссидент, но считающий, что прожил свои лучшие годы в звездную эпоху застоя, когда и вода была вкуснее, и чувства добрее. Одинокий волк, этаким эстрадным Маугли, он одним из первых у нас спел рок-н-ролл, но рокеры его в свою стаю не приняли, так же как не признало его своим романтическое племя бардов, несмотря на многочисленные концерты и сочинительство под гитару. Странно также и то, что даже такие пернатые шлягеры, как «200 лет», «Мозаика», «Черный рынок», не смогли породнить его с разнообразной попсовой фауной. Словом, свой среди чужих, чужой среди своих...

— Ну, накрутил! По-моему, ты совсем читателям голову заморочил. Ладно, про Маугли там или Тарзана еще куда ни шло, но про хулигана я что-то не пойму...

— А ты вспомни свой сольный концерт в Челябинске, когда в пику городским властям, травившим твоего друга и моего тогдашнего футбольного кумира Евгения Ловчава, ты, сначала пристыдив зрителей, устроил в концертном зале спартаковский «скандал» (что по тем временам было равносильно антисоветской пропаганде) и только после этого начал концерт?

— Да, было такое... Скандал вышел знатный. От властей, естественно, нагоняй получил. Кислород пытались перекрыть после того случая... Зато Женя был растроган до слез.

— Ну вот видишь, выходит, что ты еще как бы и диссидентом был. Кстати, сейчас многие себя к ним причисляют. Кто-то, оказывается, в тюрьме сидел, кого-то запрещали... А ты? Ведь долгое время ты работал в ансамбле «Пламя», считавшемся флагом советской песни. Так каким образом ты сумел выйти «непорочным» из того «порочного круга»?

— У меня был такой особый хрипловатый тембр голоса. И непорочным я вышел из того времени не потому, что был целомудренным по жизни, а потому, что, подобно Неуловимому Джо, был никому не нужен, не вписывался в стереотипный образ правофлангового советской песни. К счастью, в те годы меня не жаловали, и поэтому из «Пламени» я вышел со свежим голосом, в то время как талантливые ребята Валентин Дьяконов и Юрий Петерсон во многом самортизировали свои

голоса в песнях, звучавших тогда.

— И тем не менее, несмотря на свой связный голос и энциклопедическую исполнительскую манеру (от бардовской песни до рок-н-ролла и от романса до шансона), ты так и остался одиноким волком среди стаи чуждых тебе молодых эстрадных волков...

— Знаешь, я стараюсь на все смотреть философски. У каждой медали — две стороны. Да, если сравнивать мою музыкальную молодость с музыкальной молодостью нынешних артистов, то сравнение будет в пользу последних. У них и возможность чаще появляться на телевидении, и спонсоры, и свобода в выборе репертуара, но в то же время — низкая требовательность к самим себе. Лишь бы «засветиться по ящику». Все равно с чем и все равно как. Для сравнения, в прежние времена я очень строго подходил к своим появлениям на телеэкране. Не позволял себе стрелять в «молоко», а попадал только в «яблочко».

С одной стороны, конечно, хорошо, что сейчас появилась возможность попасть в эфир, но с другой — погоня за коммерческим успехом чертовски стала напоминать деревенский футбол, когда все кучей гоняются за одним мячом. Появилась мода на музыкальные стили, а не на стиль хорошей музыки.

— Наверно, потому, что все эти жанры и стили у нас, как и булгаковская осетрина, — второй свежести...

— Я бы не говорил столь категорично. Ведь все начинающие артисты обязательно кому-то подражают. В свое время наше поколение подражало

«битлам». Так почему же теперь подражание «Депеш мод» ставят в вину «Технологии»? Конечно, формировать моду — это «хай-класс». Но нам это, увы, пока не под силу.

— А реально ли вообще формировать и воспитывать хороший вкус через массовую культуру?

— А почему нет? Меня, например, к первому прочтению «Евангелия» привела рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда»...

— Кстати, и меня тоже...

— А недавно в прессе где-то промелькнуло сообщение о том, что Стинг записал несколько сонетов Шекспира, чем наверняка побудил своих поклонников обратиться к классической литературе.

— Интересно, к чему побудил обратиться своих поклонников «Ласковый май»? К пособию по разведению белых роз?

— А они не виноваты в этом. Виновата наша система, воспитавшая людей, для которых «Белые розы» — это образец высокой поэзии. Ведь если беременной женщине в организме не хватает кальция, то она может грызть и штукатурку. Вот и выходит, что нынче нашему социальному организму необходим такой продукт, такой суррогат, как «Ласковый май». Кстати, то же самое относится и к рок-музыке, которую у нас принято сравнивать с наркоманией. Я же скорей сравнил бы ее не с наркоманией, а с токсикоманией, поскольку она тоже является суррогатом.

— Может быть, в тебе говорит обида? Ведь ты сейчас не собираешь доррцы спорта? Зритель, образно говоря, уже сыт Малешком...

— Да, сейчас я, наверно, для зрителя являюсь осенним помидором, который хоть и желанен к столу, но не так, как ранней весной...

— А что тебе мешает и сейчас «давать крутого»?

— Боюсь показаться смешным в глазах тех людей, которые меня хорошо знают. А может быть, во мне еще слишком живуч советский инженер. Поэтому мне становится как-то не по себе в компании наших «крутых» музыкантов, вокруг которых такой «пафос» и, такая «серьезка»... Ведь к себе-то я

отношусь с известной долей иронии...

— А в чем ты видишь свою роль? Естественно, не в мировой революции, а на эстраде...

— Выразить самого себя в своих песнях в надежде, что у какой-то части слушателей я найду отклик. В определенном смысле я для них становлюсь исповедником. Снимаю все грехи со своей души и, надеюсь, что с их душ тоже. На моих концертах люди и смеются, и плачут, не стесняясь открытых чувств.

Знаешь, от человеческой природы никуда не деться. Душа всегда тянется к любви. Даже рожденные среди зверей Маугли и Тарзан ощутили в себе тягу к любви, к женщине. Так и я, не прибавившись ни к одному из музыкальных берегов, всегда тянулся лишь к зрительному залу.

— А бывали у тебя проколы, когда ты получал отказ вместо руки (в смысле — рукоплесканий) и сердца?

— Такого никогда не было. Я же привык всегда и во всем попадать в «яблочко». Другое дело, что бывали неприятные инциденты, как, например, в столичном ДК «Коммуна», когда комсомольские вожаки как-то решили на моем концерте воспитать трудных подростков, усадив в первые ряды ораву «металлистов». Причем зал, который сперва возмущался их поведением, вдруг затих, когда я вышел на сцену и, предвкусывая запах крови, начал смотреть бой гладиатора Малешки и «металлистов». Но и в том поединке я не проиграл.

— А как насчет сегодняшнего поединка за хлеб насущный?

— Все, что происходит сейчас, — это ужасно. Мне жалко детей. Мне стыдно, что мои дети когда-нибудь упрекнули меня за то, что происходит сейчас...

— Что-то не хочется заканчивать интервью на такой минорной ноте.

— А ты напиши так. Я посмотрел в немного печальные, но полные жизнеутверждающего оптимизма ясные глаза Малешки и понял: счастье неминуемо, и оно не за горами...

— Ну ты тогда улыбнись, что ли...

А. ВУЛЫХ.

Фото Н. САМОЙЛОВОЙ.

Вячеслав МАЛЕЖИК

Винтовая лестница

Винтовая лестница.

И я за шагом шаг
Спускаюсь в тайники
Своей больной души.

Может, мне мерещится?
Крадусь сквозь дикий мрак.

«Эй, ты, посторонись!
Фонарик притуши!»

Скрываясь от себя,
Боясь себя спугнуть,

Я начал долгий путь —
Пусть вскрытие

покажет!
Фанфарами трубят...

Как грязно! — Просто жуть!
И поднималась муть

И паутина-сажа.

Как долго не был здесь!

Проветрив бы недурно.
Замерзну, затвержу:

«Потом всю жизнь
лечись!»

Окошко занавесь!
Полны окурков урны.

Себя не обложу,
Хоть на язык речист.

Винтовая лестница...
Зачем я начал путь,

Который не дано
Прodelать до конца?

Может, мне повеситься?
Нет! Дверь скорей замкнуть

И в омут ключ, на дно!
«А мне налеп винца!»